

Рустем Вахитов, Уфа

ИМПЕРИЯ.02

ЧТО ГОТОВЯТ РУССКИЕ НАЦИОНАЛИСТЫ РУССКОМУ НАРОДУ?.. ЗА НАЦИОНАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО ПРИДЕТСЯ ЗАПЛАТИТЬ ОЧЕНЬ ДОРОГОЙ ЦЕНОЙ И ВОЗМОЖНО, ЧТО ДОНАЦИОНАЛЬНОЕ ПРОШЛОЕ РУССКИМ БУДЕТ ПРЕДСТАВЛЯТЬСЯ ЛУЧШИМИ ВРЕМЕНАМИ...

Русские националисты стремятся к превращению России в русское национальное государство, в котором источником верховной власти был бы не «многонациональный российский народ», как говорится в современной Конституции, а русская нация, то есть совокупность людей, принадлежащих к русскому народу, но в то же время представляющих собой не просто этническое, но и политическое сообщество. Все остальные народы, живущие на территории России, обречены в этом случае на роль национальных меньшинств. Русские националисты при этом особо напевают на тот факт, что этнических русских в РФ сегодня более 80%, так что все остальные народы – и коренные, и диаспоры мигрантов, и так составляют этнические меньшинства.

Противники русского национализма возражают им, что те народы, которым уготована роль этнических меньшинств в новом русском государстве, вовсе не согласятся с нею, а поскольку, как показывает история, малые народы и общины мигрантов как раз и отличаются от больших народов своей активностью и высоким уровнем самоорганизации, то несложно предсказать, чем закончится такое «восстание меньшинств». Конечно, взрывом национализмов в среде народов, превратившихся в этнические меньшинства, причем на своей собственной малой Родине, на которой они некогда имели свои национальные округа, области и даже республики. Таким образом, новорожденное русское национальное государство будет вынуждено бороться сразу с несколькими очагами сепаратизма.

Русские националисты парируют этот аргумент тем, что крепкое и сильное национальное государство вполне в состоянии не только противостоять сепаратистским тенденциям, но и подавить их. Тут начинается спор о том, победит ли русская армия поволжских, сибирских или кавказских сепаратистов и, естественно, он ни к чему не приводит.

Очевидно, нужен новый взгляд на проблему и он возможен. Нетрудно заметить, что и сторонники, и противники русского национализма соглашаются с тем, что против превращения России в русское национальное государство выступают лишь нерусские народы в лице своих политизированных националистических элит. Молчаливо предполагается, что процесс превращения русских из народа, каковым они сейчас являются, в политическую нацию пройдет легко и безболезненно. Если почитать сайты идеологов русского национализма, то складывается впечатление, что достаточно добавить в Конституцию России статью, гласящую: «источником власти в РФ является русский народ», и русские сразу станут политической нацией. Но, увы, реальность будет гораздо сложнее.

2. Такое упрощенное понимание проблемы связано с тем, что у нас не слишком ясно понимается различие между народом и нацией. Более того, эти понятия у нас часто просто отождествляются, отсюда и разговоры о том, что якобы национализм – всего лишь любовь к своему народу и поэтому в нем ничего дурного нет. На самом деле, народ и нация – это не просто нетождественные, но и сильно различающиеся вещи. Народы существуют с древнейших времен, нации возникли не так давно; по мнению специалистов, первые нации появились в Западной Европе и Латинской Америке лишь около 300 лет назад. Народ – явление социокультурное и даже, по мнению некоторых ученых, социобиологическое.

Нация же – явление политическое, род гражданского общества, в которое, кстати, могут войти далеко не все члены того или иного народа (и наоборот – могут войти те, кто к этому народу прямого отношения не имеет). Народ может существовать без единого языка, без наличия школ и письменной литературы, наконец, без наличия своего собственного государства. Нация, напротив, предполагает наличие «социальных машин, воспроизводящих Современность» (М. Ремезов), то есть национальной школы, университета, литературного языка и письменной литературы. Без них она постепенно откатится обратно, на стадию народа.

Конечно, содержать такие «социальные машины» легче всего государству, отсюда стремление каждой нации создать свое собственное национальное государство (Э. Геллнер). Причем государство это – бессловесное, эгалитарное, демократическое, ведь мы уже говорили, что нация – род гражданского общества, а гражданское общество признает только одну форму государства – правовое, где все члены нации равны перед законом и демократическое, где источник высшей власти – сам народ.

Возникновению наций в Европе, да и в других регионах мира, предшествовала эпоха многонародных, сословных идеократических династических государств-империй. Именно в результате болезненной трансформации таких империй и появились национальные государства (если оставить в стороне национальные государства, родившиеся в ходе национально-освободительной революции). Причем, можно указать на два пути такой трансформации – французский и немецкий. Такое различие введено не случайно. Специалисты-этнологи, в частности Ханс Кон (Hans Kon), указывают, что в первом случае мы имеем образование политической, а во втором – этнической нации. Для нас же очень важно то обстоятельство, что *и в том, и в другом случае в составе нации были включены далеко не все представители народа, который служил ядром для образования национального государства. Иными словами, народ, желающий создать свое национальное государство, неизбежно переживал раскол и внутреннее противостояние - иногда гражданское и вооруженное. Это было платой за*

образование нации. Но критерии этого раскола в каждом отдельном случае были свои.

Французское королевство, из которого затем в ходе революции возникло французское национальное государство, было типичной династической империей. Кроме французов, ставших нациеобразующим народом, в нем жило множество других народов – бретонцы, бургундцы, провансальцы, гасконцы, корсиканцы, эльзасцы, пикардцы, фламандцы. Отношения между ними, конечно, не были идиллическими, но все же оставались довольно мирными. В конце концов, их объединяла общая религия – католицизм и верность общему суверену – королю, а этничность, разделяющая их, в донациональных обществах не играла значительной роли.

Когда мы читаем роман Александра Дюма «Три мушкетера», повествующей о нравах во Франции «Старого Порядка», то мы редко всерьез осознаем, что один из четырех друзей – мушкетеров – Д'Артаньян – вовсе не был французом. Но в романе неоднократно подчеркивается, что он был гасконцем (то есть французским баском), причем, судя по всему, его родным языком французский не был: по выговору в Д'Артаньяне легко узнавали гасконца, да и внешность его была характерной и явно отличающейся от французской. Вполне уместно сравнить Д'Артаньяна в Париже времен Людовика XIII с кавказцем в современной Москве, причем, с кавказцем, который плохо говорит по-русски, имеет огромный нос и иссиня-черные волосы и сильно рассчитывает на помощь диаспоры (вспомним, что первым делом Д'Артаньян в Париже пошел к земляку и соплеменнику – гасконцу Де Тревилю и именно тот определил его в полк мушкетеров). Тем не менее и Арамис, и Портос, и даже щепетильный Атос разве что позволяют себе подшучивать над его гасконской внешностью и манерами друга, но не более того. Д'Артаньян – католик, дворянин, верный королю, просто хороший и смелый товарищ, и они видят в нем ровню, а кое в чем и признают его превосходство.

Здесь отражена известная этническая толерантность, свойственная Старой Франции. Неудивительно, что когда в годы революции якобинцы стали создавать французское национальное государство, то двери в него оказались открытыми для всех народов Франции: бретонцы, гасконцы, корсиканцы, которые готовы были принять французский язык и культуру как родные язык и культуру, беспрепятственно становились членами французской нации (или - что в случае Франции одно и то же – гражданами Французской республики). Корсиканец Наполеон, который в юности говорил по-французски с сильным итальянским акцентом и потому был предметом насмешек со стороны товарищей, стал революционным генералом, а затем консулом и императором Франции.

Однако совсем иначе дело обстояло с разными сословиями. К эпохе революции ненависть сословий Французского королевства друг к другу достигла апогея. В устах представителей третьего сословия слово

«дворянин» было ругательством, дворяне же настолько презирали простолюдинов, что аристократки не стеснялись перед ними даже ходить нагишом. Эта ненависть и предопределила политический критерий формирования французской нации. Когда якобинцы начали ее строить, то в ее состав они сознательно не включили дворян и крестьян, которые по языку и культуре существенно не отличались от горожан («буржуа»), составивших костяк французской нации. Якобинцы даже поддерживали идею, что дворяне – это не французы, а потомки германцев-франков, которые некогда завоевали предков французов – гало-римлян (так что будучи политической объективно, субъективно французская нация возникла как этническая). Председатель Конвента аббат Сийес просто советовал аристократам «удалиться обратно в тевтонские леса».

И это при том, что французские аристократы были как мы бы сейчас сказали давно уже этническими французами, а их германские корни терялись во мраке древности. Поэтролялист Андре Шенье во всяком случае владел французским языком не хуже, чем адвокат-якобинец Максимилиан Робеспьер (правда, это не касалось высшей аристократии - особ королевской фамилии, которые зачастую, действительно не вполне были французами по крови, а иногда и вовсе были иностранцами, например, Мария Антуанетта была австрийкой). Так что ужасающий террор аристократов, когда революционеры вспарывали беременным аристократкам животы (это называлось «превентивной борьбой с врагами революции»), в определенной мере был французско-французским геноцидом.

То же самое можно сказать и про крестьян, которых строители французского национального государства – якобинцы, ненавидели не меньше, чем аристократов. Якобинский генерал Вестерман похвалялся в своем донесении о подавлении мятежа в Вандее: «Граждане республиканцы, Вандея более не существует! Благодаря нашей свободной сабле она умерла вместе со своими бабами и их отродьем. Используя данные мне права, я растоптал детей конями, вырезал женщин». А ведь крестьяне Вандеи, за исключением небольшого количества бретонцев, также были этническими французами.

Иная ситуация сложилась в Германии. Немецкая нация стала складываться внутри Прусского королевства, которое в 1871 году превратилось в Германскую империю. Создателем немецкой нации стало не государство, а сообщество интеллектуалов-националистов – поэтов, писателей, философов, публицистов. Отец немецкого национализма Фихте в своих «Речах к немецкой нации» провозгласил, что немцы французскому пути террора и гильотины противопоставляют путь культурного строительства. Действительно, немецкие школы, университеты, многочисленные творческие союзы, общественно-политические организации стали кузницами, перековавшими пруссаков, баварцев, тирольцев, саксонцев,

так сказать в «общенемцев». Причем, сословная принадлежность не играла значительной роли: аристократы и крестьяне, купцы и мещане рассматривались как единое целое, потому что все они признавались немцами, происходящими (что на самом деле было натяжкой) от одних общих предков – древних германцев.

Немецкая нация, в отличие от французской, формировалась не по политическому, а по этническому признаку. Но это и предопределило то обстоятельство, что значительная часть немецкоязычного культурного сообщества была отторгнута и не включена в состав немецкой нации. Речь, конечно, о немецких евреях. Уже в конце XVIII – начале XIX века в разных государствах тогда еще раздробленной Германии начинается мощный процесс эмансипации евреев. Евреи отказываются от своего языка и от своей религии, начинают говорить только по-немецки, принимают христианство. Яркий пример тому отец Карла Маркса – Гершель (в крещении - Генрих) Маркс, сын трирского раввина, принявший лютеранство. Более того, немецкие евреи внесли большой вклад в формирование высокой немецкой культуры, достаточно вспомнить хотя поэта Генриха Гейне, философа Эндмунда Гуссерля, писателя Леона Фейхтвангера. Кстати, Гейне прекрасно объяснил позицию евреев, переходивших в христианство: «Для нас христианство – входной билет в европейскую культуру».

Немецкие евреи в большинстве своем не просто слились с немцами в культурном плане, они были искренними патриотами Германии, готовыми отдавать за нее (и отдававшими) свои жизни. Однако большинство немецких националистов – от философа Фихте до композитора Вагнера были антисемитами и выступали резко против включения евреев в немецкую нацию. Это было тем более бессмысленно и курьезно, что многие так называемые «евреи» были детьми от смешанных браков, то есть наполовину или даже на четверть немцами, а так называемые «чистокровные немцы» часто имели примеси разных кровей, в основном славянской (сам Фихте был уроженцем Лужицкого края и наверняка имел среди предков славян).

В этом смысле, кстати, позиции немецких государств были гораздо более взвешенными и разумными: в большинстве из них уже к середине XIX века были ликвидированы все законы, как-либо ущемлявшие права евреев (все отдельные парламенты Германии предоставили равноправие евреям в 1848-49 годах). Образовавшийся в 1871 году Второй Рейх также наследовал эту традицию. 3 июля 1869 г. парламент Северо-Германского союза принял закон, уравнивший евреев в правах с остальным населением; в 1871 году этот закон был распространен на всю Германскую империю.

Немецкое государство, пока оно было аристократическим и сословным, выступало за равноправие евреев, тогда как немецкая нация – гражданское сообщество немцев, возглавляемое националистической

интеллигенцией, стало непримиримым по отношению к евреям. Антисемитизм в Германии рубежа XIX -XX веков носил массовый и можно, сказать, народный характер. Неудивительно, что когда это аристократическое государство – Кайзеровская Германия - рухнуло в 1918 году, то после недолгого периода либеральной демократии, немецкий народ остановил выбор на крайних националистах-гитлеровцах, которые стали строить немецкое национальное государство, и евреи из состава немецкой нации были решительно исключены (Нюрнбергские законы лишили евреев немецкого гражданства и приравнивали их к иностранцам).

Как известно в Третьем Рейхе велось планомерное уничтожение евреев. Рейх погиб в результате неудачной военной авантюры Гитлера, однако мало кто замечает, что своей цели немецкие националисты добились – немецкие евреи, в большинстве своем не отличавшиеся от немцев ни по языку, ни по культуре, так и не вошли в состав немецкой нации. Евреи либо эмигрировали, либо были уничтожены в 1933-1945 г.г. Даже теперь после процесса денацификации и национального покаяния в Германии самые малочисленные по сравнению с другими странами Европы еврейские общины и уж меньше всего оставшиеся в Германии евреи желают ассимиляции в немецком народе.

Итак, в тех донациональных государствах, где была сильна сословность, но ослаблена этничность и между народами царил относительный мир, как во Франции эпохи Старого Порядка, образование национального государства шло по политическому пути, что было сопряжено с тем, что народ, трансформирующийся в нацию, переживал внутренний раскол, гражданскую войну и самогеноцид. В тех же донациональных государствах, где сословность была ослаблена, но этничность, наоборот сильна и общество людей, говорящих на одном языке и принадлежащих к одной культуре, расколото по признаку этнического происхождения, как в Германии, происходил геноцид по этническому признаку, что также ослабляло государствообразующий народ.

3. Современная Российская Федерация, по внешним своим признакам напоминающая демократическое государство, устроенное по принципам гражданской нации, как Франция или США, на самом деле есть не что иное как типичное донациональное имперское государство. И дело вовсе не в том, что в Конституции РФ не сказано о русских как государствообразующем народе, о чем так любят пошуметь русские националисты. Мы уже говорили о том, что нация в отличие от народа – это не просто этническое, но и политическое гражданское сообщество.

Современные русские такое сообщество не составляют и вообще мало склонны к гражданской самоорганизации (за исключением узкой прослойки полумаргинализированной молодежи больших городов и радикальной интеллигенции). Уже отсюда явствует, что российское государство не может быть государством, где суверенитет (высшая власть) принадлежит гражданскому

сообществу – русской (гражданской либо этнической) нации. На самом деле суверенитетом в России обладает всесильный президент и стоящая за его спиной финансово-экономическая группа, связанная с силовыми ведомствами и нефтегазовыми олигархами. Важную роль в легитимизации власти играет церковь, которая формально являясь отделенной от государства, фактически претендует на роль творца и проводника государственной идеологии. Таким образом, по типу власти современная Россия мало чем отличается от донациональных монархических государств вроде Франции королей или Германии кайзеров.

При этом ситуация в современной России имеет черты и ситуации во Франции, и ситуации в Германии. Иными словами, в современной России присутствует и явное расслоение на «сословия», юридически неравноправные группы, имеющие или лишённые тех или иных привилегий, и явное расслоение на этнические группы, причем, накоплен огромный запас ненависти к чужакам и по политическому и по этническому признаку. Это заявление требует пояснений.

Конечно, по Конституции все граждане РФ равны перед законом и таким образом российское общество бессословное. На самом деле существует большое количество законов и еще большее количество подзаконных актов, которые даруют той или иной социальной группе привилегии, главная из которых возможность не подчиняться общегражданскому закону. В этом смысле в современной России так называемые силовики (сотрудники спецслужб, МВД, высших органов вооруженных сил), вообще госслужащие федерального уровня давно уже являются сословиями – относительно закрытыми группами с сильной внутренней корпоративностью, не подчиняющимися или лишь частично подчиняющимися общегражданскому закону и имеющими многочисленные привилегии.

(Например, по Закону о ФСБ «При исполнении сотрудником органов федеральной службы безопасности служебных обязанностей не допускаются его привод, задержание, личный досмотр и досмотр его вещей, а также досмотр личного и используемого им транспорта без официального представителя органов федеральной службы безопасности или решения суда». Поскольку в реальной жизни невозможно поверить осуществляет ли сотрудник спецслужб служебную деятельность, фактически он выпадает из правового поля...).

Ненависть по отношению к ним со стороны российского «третьего сословия» - бедного, бесправного, обязанного выполнять требования всех, зачастую весьма противоречивых законов, а кроме того и негласного «чиновничьего права», очень велика. И также велика ненависть по отношению к диаспорам мусульманских народов России и ближнего зарубежья, особенно выходцев с российского Кавказа, которые сконцентрировали в своих руках значительную часть легальных и теневых рынков. Как видим, *если русские националисты все же добьются своего, раскачают российское общество, соблазнят его русское большинство своими лозунгами и запустят механизм трансформации России в русское национальное государство, то им придется столкнуться одновременно с*

издержками и французского, и немецкого путей.

С одной стороны против них выступают высшие сословия нынешнего российского государства, которые ни за что не захотят отдавать свои капиталы и привилегии и превращаться в обычных граждан эгалитарного национального сообщества. На их стороне будут армия, подразделения спецслужб, МВД, новейшее вооружение, лозунги о защите конституционного строя и защите законно избранного президента. Даже если бы русские националисты могли этому противопоставить что-либо кроме нескольких тысяч подростков в марлевых масках, балующихся «зигами» на «Русских маршах», то тогда речь нужно было бы вести о гражданской войне и терроре против высших сословий, то есть о такой же кровавой бойне, в какой некогда родилось французское национальное государство, но осложненной тем, что на дворе ядерный век и на вооружении у РФ – ядерное, химическое, бактериологическое и иное ОМУ. Причем и с той и с другой стороны в этом противостоянии были бы этнические русские, поскольку Путин и Медведев принадлежат к тому ж народу, что и Крылов с Холмогоровым.

В то же время сегодня в русский народ входит – по самоощущению, и по признанию большинства русских - немалое количество людей нерусского неславянского происхождения, но принявших русский язык и культуру как родные. Немалое количество таковых корнями своими принадлежат к мусульманским народам России и к народам Северного Кавказа, которые являются объектом ненависти русских националистов и по отношению к которым последние неоднократно высказывали пожелания выселить их за пределы новообразованного русского государства. Фактически ситуация напоминает немецкую нацию XIX века, культурно более или менее однородную, но разделенную по этническому признаку.

В роли евреев, конечно, выступают русскоязычные чеченцы, ингуши, осетины, аварцы, а в перспективе – башкиры, якуты, татары и т.д. И пусть нас не обманывает показное миролюбие нынешних теоретиков русского национализма, которые пока что убеждают публику, что они, будучи демократами и «цивилизованными европейцами», не собираются заниматься этноцидом и хотят лишь, чтоб «кавказцы» отделились. Гитлер тоже сначала обещал всего лишь выселить евреев на остров Мадагаскар. Если они придут к власти, то политическая практика станет диктовать свои требования. Никуда граждане России кавказского происхождения уезжать не захотят, а попытки их насильственно депортировать или ущемить в правах приведут к сопротивлению (которое, кстати, поддержат новообразованные кавказские государства и «мировое сообщество»). Таким образом, ситуация гражданской войны по социальному признаку осложнится гражданской войной по этническому признаку.

И еще неизвестно, сможет ли русский народ пережить такой катаклизм, тем более что, очевидно, всем этим не преминут воспользоваться державы Запада с их традиционно русофобской политикой. В любом случае за национальное государство придется заплатить очень дорогой ценой и возможно, что донациональное прошлое русским будет представляться лучшими временами... ▲